View the original article

ОБЩЕСТВО. КАВКАЗ

"В каждой семье есть своя история". Как карачаевцы хранят память о депортации

Анжелика Каимова

02 ноября 2026

Иллюстративное фото

2 ноября 1943 года началась депортация карачаевского народа, который советские власти бездоказательно обвинили в пособничестве германским войскам. По оценкам историка Павла Поляна, в Центральную Азию выслали почти 70 тысяч человек, более 43 тысяч из них погибли в дороге и местах переселения. Вернуться домой репрессированные смогли только в 1957 году. Как карачаевцы относятся к трагедии сейчас и какие истории они вспоминают в своих семьях в годовщину депортации – в материале Кавказ.Реалий.

Имена собеседников в публикации скрыты из-за репрессивного российского законодательства.

Среди пострадавших была семья Глоовых – в ссылку отправились восемь человек, в том числе и двое детей, рассказал потомок репрессированных.

"В товарные вагоны, предназначенные для перевозки скота, загоняли по 15 и более семей, до 90 человек, включая детей. Никто не знал, куда направляют состав. В первые дни люди питались запасами, которые успели взять с собой. Те, у кого еды было больше, делились с соседями. В дороге становилось невыносимо душно. Люди, привыкшие к горному воздуху, задыхались, пытались пробиться к дверям и кричали. Двери вагонов не открывали двое суток", – рассказывает собеседник.

Измученные жаждой люди стучали в стены, особенно когда поезд замедлял ход, но к ним никто не подходил.

"В вагонах стоял удушливый смрад: для естественных надобностей приходилось использовать отверстие в полу. Одна из пожилых женщин, умолявшая дать ей воды, умерла прямо в вагоне. Смерть сопровождала людей на протяжении всего пути. Умерших оплакивали, но самостоятельно похоронить их не разрешали. Тела забирали приходившие санитары. Для мусульман, которым важно было проводить умерших в последний путь по религиозным обычаям, это становилось еще одним тяжелым испытанием", – делится потомок репрессированных.

В семейных воспоминаниях Глоовых сохранилась история молодой матери, потерявшей пятилетнюю дочь – девочка заболела в дороге, врача не было. Женщина не смогла отдать тело дочери посторонним людям, не зная, где и как ее похоронят. Она продолжала держать дочь на руках, укачивать ее, словно та была жива, и старалась скрыть от окружающих, что ребенок умер. Матери удалось довезти дочь до места ссылки и похоронить там, где семье пришлось поселиться.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"У скотины было больше прав, чем у спецпереселенцев". Как высылали балкарцев и карачаевцев

Другая история, которую рассказала Кавказ.Реалиям жительница Карачаево-Черкесии, развернулась еще до депортации. По словам бабушки нашей собеседницы, ее старший брат случайно нашел тяжелораненого советского военного, который пострадал во время отступления. Кто именно был этот человек, в семье так и не узнали – предполагали, что генерал.

Мужчины принесли раненого домой. Семья спрятала его в землянке, ухаживала за ним и помогла восстановиться. Перед уходом военный оставил им записку. Он объяснил, что, если семье когда-нибудь понадобится помощь, нужно будет

показать ее военным. В семье предполагали, что он мог догадываться о грядущих событиях.

Когда 2 ноября началось выселение, прабабушка достала записку и показала ее пришедшим военным. После этого ей разрешили взять с собой все, что она пожелает: швейную машинку "Зингер", сепаратор и несколько серебряных вещей. Все сложили в небольшой сундук на колесиках.

Но воспользоваться разрешением оказалось непросто. Когда людей привели к товарным вагонам, военные, которым женщина предъявляла записку, позволили ей взять сундук с собой. Однако один из бывших военнопленных, которого она когда-то кормила, выбросил вещи.

"До этого прабабушка каждый день варила на улице картошку в большом казане. Вечерами она кормила ею пленных, которых немцы заставляли работать. Она не делила людей на своих и чужих – просто давала еду тем, кто был голоден. Однажды один из пленных сказал ей, что не нужно кормить всех подряд, а следует оставлять еду только для своих. Прабабушка сказала, что все люди – люди, желудок у всех одинаковый", – рассказала внучка пострадавших.

Дорога оказалась тяжелой. Вагоны были переполнены, многие не выдерживали пути: вагон, который вначале был заполнен людьми, почти опустел к приезду во Фрунзе (сейчас – Бишкек) в Кыргызстане. В семье было одиннадцать детей: пятеро родных и шестеро приемных. Как и многим депортированным, им пришлось самим выкопать землянку, чтобы пережить первые годы ссылки.

"Чтобы прокормить детей, прабабушка устроилась работать на военный завод. Она смогла устроить туда и своего старшего сына, которому на тот момент было всего восемь лет. Чтобы его приняли на работу, она записала его в документах двенадцатилетним. Так они вместе зарабатывали на жизнь и пытались прокормить большую семью", – вспоминает собеседница.

Мемориал в Карачаево-Черкесии

Местным жителям рекомендовали не общаться с депортированными карачаевцами, которых объявили "врагами народа". Поэтому поначалу к переселенцам относились настороженно, а порой и враждебно. Местные дети бросали в них чем-то маленьким и твердым. Выяснилось, что это "курт" – местный высушенный сыр, тогда его стали подбирать.

"Голод оставил очень глубокий след в жизни моей бабушки. Даже спустя много лет она относилась к еде с особой бережливостью. Если на полу оказывались хлебные крошки, она могла поднять их и съесть. Для нее это было естественно, потому что она помнила, что такое настоящий голод", – говорит жительница Карачаево-Черкесии.

По ее словам, вспоминать о депортации необходимо, поскольку до сих пор встречаются люди, убежденные в том, что карачаевский народ предал страну. Такие обвинения не выдерживают проверки историческими фактами, утверждает она.

26 апреля 1991 года был принят закон РСФСР "О реабилитации репрессированных народов", признавший незаконной и преступной государственную политику репрессий в отношении целых народов. В преамбуле говорится о геноциде и клеветнических обвинениях, ставших основанием для преследования репрессированных народов.

Собеседница Кавказ.Реалий подчеркивает, что отдельные случаи сотрудничества с немецкими оккупантами не дают оснований обвинять в предательстве целый народ. Тысячи карачаевцев сами воевали на фронте, 24 человека были представлены к званию Героя Советского Союза. Поэтому память о депортации нельзя предавать забвению: пока карачаевские мужчины воевали и защищали страну, их семьи насильно выселили из родных домов.

Исмаил Байчоров встретил депортацию как фронтовик, дважды получивший тяжелые ранения. С 1940 года по июль 1943-го он служил в Красной армии, командовал взводом разведки, а затем стрелковой ротой в звании старшего лейтенанта. За боевые отличия был награжден орденами Отечественной войны I и II степени и несколькими медалями. После демобилизации по инвалидности вернулся в родное село Верхняя Теберда, где работал военным руководителем в школе.

2 ноября 1943 года в дом Байчоровых ворвался офицер внутренних войск НКВД и объявил, что на основании приказа Иосифа Сталина все карачаевцы подлежат выселению. На сборы семье отвели всего полчаса. Так советский офицер, еще недавно командовавший солдатами на фронте, вместе с родными оказался в эшелоне. Два его брата, Осман и Умар, в это время продолжали воевать на фронте.

Мать, сестер и их малолетних детей отправили в село Садовое Сталинского района Фрунзенской области. Там Исмаилу Байчорову пришлось работать на разных должностях в колхозе. По его воспоминаниям, к депортированным относились предвзято, подвергали их физическому и моральному давлению, унижали.

Особенно тяжелым оказалось первое время после выселения. По словам Байчорова, к весне 1944 года в Садовом от голода погибло 52% жителей, большинство из них были карачаевцами. Смертей было так много, что он и еще двое инвалидов войны не успевали хоронить умерших.

Депортированные практически не могли рассчитывать и на медицинскую помощь. Ближайшая больница находилась в шести километрах, в Беловодском, однако попасть туда без разрешения было невозможно: спецпереселенцам запрещалось покидать пределы населенного пункта. Действовали жесткие ограничения на передвижение. Даже если в соседнем селе умирал родственник, чтобы попасть на похороны, требовалось получить специальный пропуск. На это могли уйти два-три месяца.

Ограничения касались и повседневной жизни. Если корова переходила границу села и оказывалась на соседней территории, хозяину приходилось искать местного жителя, который мог бы пригнать животное обратно. За нарушение режима людей

могли лишить свободы. Как вспоминал Байчоров, из-за подобных ограничений и вынужденных нарушений правил многие карачаевцы, а позднее и депортированные чеченцы, балкарцы и ингуши оказывались в заключении.

В одном из селений Средней Азии, где жили депортированные карачаевцы, произошла история, которую Байчоров запомнил как один из примеров жестокости того времени.

В 1944 году четырехлетняя девочка забралась в колхозный сад и сорвала одно яблоко. За это сторож сада выстрелил в ребенка. Услышав о случившемся, к саду прибежал ее отец, Хасанбий Батдыев. Сторож выстрелил и в него.

Тяжелораненого мужчину хотели доставить в больницу, однако комендант не разрешил выезжать за пределы села. Батдыев остался без медицинской помощи и умер на 16-й день после ранения. Когда его родственники пришли в комендатуру сообщить о его смерти, спецкомендант, от которого спецпереселенцы, по сути, должны были получать защиту, ответил: "Жаль, что сторож не перестрелял вас всех!"

Жить репрессированным приходилось в полуразрушенных домах и землянках. Чтобы прокормиться, люди собирали коренья и листья растений, ели жмых, мерзлый картофель, люцерну и крапиву. Не хватало и одежды, поэтому пережить суровые зимы было особенно трудно.

При этом карачаевцев привлекали к тяжелым работам: строительству мостов и дорог, рытью каналов, сельскохозяйственным работам. Они выращивали сахарную свеклу, табак и хлопок, осваивали непривычные условия и пытались наладить жизнь на новом месте.

Говоря о последствиях депортации, карачаевский историк Али Кара обратил внимание на ее влияние на демографию. По подсчетам историка Мурата Каракетова, если бы не депортация, сегодня численность карачаевцев могла быть в полтора-два раза выше. Как подчеркнул Али Кара, от численности народа зависит сохранение его языка, культуры и традиций.

“ Почти в каждой семье есть свои истории о том, как их бабушкам и дедушкам приходилось выживать в годы депортации

"Огромный урон депортация нанесла как духовному, так и материальному наследию карачаевцев, как и других народов, переживших эту трагедию. Множество произведений фольклора, литературы, исторических материалов на десятилетия оказались под запретом или были

безвозвратно утерянными. Были уничтожены десятки историко-архитектурных объектов. После возвращения на историческую родину представителям карачаево-балкарской интеллигенции и общественности пришлось потратить не одно десятилетие, чтобы сохранить и восстановить все, что было возможно. Однако истинный масштаб потерь неизвестен по сей день. Приведу простой пример: до 1943 года в Карачае насчитывалось тысячи традиционных бревенчатых домов, возраст многих из них составлял несколько веков. К 1957 году их осталось пару сотен", – рассказал Али Кара.

По его мнению, память о депортации стала частью коллективной идентичности карачаево-балкарского народа. Молодое поколение понимает масштаб пережитой народом трагедии и историческую несправедливость, которая поставила его на грань исчезновения: "Почти в каждой семье есть свои истории о том, как их бабушкам и дедушкам приходилось выживать в годы депортации. При встрече даже среди молодежи нередко можно услышать вопрос: «Где ваши были в Азии?» или «Кто из ваших там остался?»".

Каждый год 2 ноября в городах и районах Карачаево-Черкесии проходят памятные мероприятия. Одним из наиболее значимых традиционно остается траурный митинг у монумента жертвам депортации в Карачаевске. Однако историк считает, что подобные мероприятия носят преимущественно официальный характер, поскольку в них участвуют главным образом представители местных администраций и органов власти. По его мнению, общественникам и представителям власти важно заниматься сохранением исторической памяти не только 2 ноября, но и в течение всего года.

Иллюстративное фото

Али Кара поделился с редакцией и историей своей бабушки, которой во время депортации было около 13 лет. Вместе с семьей ее отправили в Таласскую область Киргизской ССР. Уже в первый год ссылки она потеряла обоих родителей из-за тифа и осталась фактически сиротой вместе с братьями и сестрами.

"Выжили по милости Всевышнего и благодаря помощи земляков, представителей других репрессированных народов и неравнодушных местных жителей", – заключил историк.

Первые карачаевские семьи вернулись из мест ссылки 3 мая 1957 года. Эта дата стала символом возрождения народа и ежегодно отмечается в Карачаево-Черкесии.

По словам карачаевского общественного активиста, согласившегося поговорить с Кавказ.Реалиями на условиях анонимности, память о депортации сохраняется не только благодаря официальным мероприятиям. Практически у каждой карачаевской семьи есть собственная история выселения, которую передают из поколения в поколение. В память о погибших в ссылке детях потомки репрессированных называют их именами собственных детей.

Работа по сохранению исторической памяти о депортации карачаевского народа ведется в республике с 1990-х годов, рассказал активист. В тот период действовала комиссия по реабилитации, а представители старшего поколения начали активно устанавливать памятники жертвам репрессий и депортации, издавать книги.

> **“ Память о несправедливом ярлыке, лишениях и погибших предках живет практически в каждой семье и передается из поколения в поколение**

"2 ноября многие жители Карачаево-Черкесии считают своим долгом собраться вместе и прочитать молитву за погибших во время депортации. Несколько лет подряд в Карачаевском городском округе проходила акция „Мы вернулись“ – шествие с фотографиями депортированных семей. После пандемии возобновить ее пока не удалось, но мы надеемся вернуть эту традицию", – сказал он.

Депортации 1943–1944 годов стали одной из самых тяжелых гуманитарных катастроф в истории Кавказа, заявил глава черкесской общественно-политической организации "Хабзэ" Мартин Кочесоко.

"Прервалась естественная преемственность поколений, было утрачено огромное количество памятников культуры, архивов и традиционных ремесел. Память о несправедливом ярлыке, лишениях и погибших предках живет практически в

каждой семье и передается из поколения в поколение. Перекройка границ и переселение других людей на опустевшие земли создали затяжные узлы противоречий, которые и сегодня требуют предельно деликатного, мудрого и правового разрешения. Для всего нашего региона это незаживающая рана. Мы, народы Кавказа, веками жили рядом, и боль депортированных соседей – это общая трагедия, которая напоминает о недопустимости применения коллективной ответственности к какому-либо народу", – комментирует собеседник редакции.

Кочесоко также обратил внимание на то, что многие проблемы, связанные с социально-экономическими условиями, землей и инфраструктурой в местах возвращения, так и не были окончательно решены.

"Возвращение в 1957 году не было простым: восстановить полностью прежнюю систему расселения, вернуть родовые земли и возродить все аулы в прежних местах оказалось крайне трудно. Множество селений было образовано на новых местах, что до сих пор сказывается на социально-экономических взаимоотношениях между представителями соседних народов. Исторически наши народы бок о бок живут на одной земле. И мы искренне разделяем боль наших соседей", – заключил Мартин Кочесоко.

- Верховная рада Украины признала факт геноцида черкесского народа во время Кавказской войны. Новость вызвала воодушевление среди черкесов как в диаспоре, так и на родине: представители национального движения назвали ее важным шагом к восстановлению государственности и возвращению на родину миллионов живущих по всему миру соотечественников. О том, какое влияние окажет это решение, редакции Кавказ.Реалии рассказали черкесские активисты.

- В Элисте против 66-летнего правозащитника Бориса Тодаева возбудили уголовное дело о реабилитации нацизма. Поводом стала его публикация о принудительной депортации калмыков в декабре 1943 года. Автор сравнил действия советских военных с преступлениями нацистов – теперь Тодаеву вменяют статью о реабилитации нацизма и оскорблении памяти защитников Отечества. "Мемориал" признал его политзаключенным.

Кавказ.Реалии в Instagram
Кавказ.Реалии в YouTube
Кавказ.Реалии в Telegram